

Литература Новгорода времени Грозного

1

При Макарии не умерла новгородская оппозиция. После одного из пожаров, опустошивших большую часть города, Новгород был перепланирован на московский лад (в 1530 и 1571 гг. — первые случаи перепланировки средневековых городов в таком значительном масштабе), улицы расширены и выпрямлены, монастыри перестроены по московскому общежительному уставу, но новгородские обычаи долго еще питали скрытые оппозиционные настроения, делавшиеся, впрочем, все бледнее и незначительнее.

По данным писцовых книг к концу XVI в. Новгород представлял собой картину постепенного вымирания. Однако бедневший и разбредавший Новгород оказывал сильное воздействие на культуру Москвы: на ее архитектуру, живопись и книжность.

Прочные традиции новгородского летописания продолжали еще свое существование в XVI в., а частично перешли и на XVII в. Однако с утратой Новгородом политической самостоятельности новгородская летопись становится все более местной и все более церковной.

В конце XVI в., на основании летописи Лисицкого монастыря (под Новгородом), переписанной в 1450 г., была составлена так называемая Новгородская II летопись, дошедшая в составе Архивского сборника (сборника Малиновского). Летопись эта в своих древнейших известиях до 1450 г. близка к Новгородской I летописи младшего извода, а в дальнейших известиях, особенно касающихся эпохи Грозного, полна любопытных подробностей, несомненно принадлежащих перу свидетеля событий или даже, может быть, их участника. Завершение Новгородской II летописи принадлежит времени пребывания в Новгороде Ивана Грозного. Именно эти годы (1571—1572) описаны в летописи с наибольшей обстоятельностью. Возвратившееся на время к Новгороду с приездом Грозного значение вызвало, очевидно, новый интерес к новгородскому летописанию. Важность совершившихся в это время в Новгороде событий пробудила дряхлеющие традиции новгородского летописания. Бессильное и медленное угасание политических сил чувствуется в этой последней попытке Новгорода поднять свое политическое значение.

Заключительные страницы Новгородской летописи возвращают ее к самому началу летописания Новгородской республики. Так же как и в XII в., летописец редко касается того, что происходит за стенами его родного города. Пожары, неурожай, бытовые происшествия, смены архиепископов, игуменов и попов, небесные знамения, бури, непогоды, разливы Волхова, моровые поветрия, чудеса от икон, молебны, ранние снегопады и поздние грозы — как и несколько столетий назад — составляют основное содержание погодных записей. Но есть и существенная разница: в XII в. краткие известия о неурожаях и дороговизне, о полои воде в Волхове и о пожарах передавались летописцем потому, что они имели непосредственное отношение к благосостоянию всего новгородского населения в целом; в XVI же веке — летописец в равной мере записывал все, что задевало его любопытство и интересы обывателя. Цена на «семя огуречное» (1555) интересует летописца так же, как и цена на хлеб; он заносит в свою летопись известие о том, что вздорожала бумага («лист полденги, писщая», 1555), и отмечает, что в один из дней сентября 1571 г. «много по дорогам червей ползало». Равное внимание уделяет летописец и пожару, захватившему чуть ли не четверть города, и тому, что «в Савине пустыне овин сгорел с овсом». В XII в. летописец отмечал погоду лишь в том случае, если она грозила стихийными бедствиями, неурожаем или прекращением подвоза товаров; в XVI в. летописец безразлично записывает как бы мимоходом, что «того дни во весь день было мрачно, да и дождь весь день шол, да и день студен был» (1571); или: «да того же дни, после обеда, в пообедех, дождь был» (1572), или что ветер «крест покривил, да много в садах яблок с деревьев рвало».

Из городских событий летописец нередко отмечает мелкие происшествия, лишённые особого значения, но задевавшие его любопытство. Так, например, под 1572 г. в летопись занесен рассказ о том, как Суботай Осетр бил до крови дьяка Данила Бартенева «да и медведем его драл», как испуганные медведем подьячие выбрасывались из окон избы, а на самом дьяке Бартеневе медведь платье изодрал так, что его унесли к себе на подворье в одном кафтане. Под тем же годом летописец рассказал о том, что звонец Семен звонил на Софийской колокольнице, а у колокола порвалась веревка, и звонец свалился «на землю». Натуралистически изображены в летописи ссоры сварливого архиепископа Леонида с подчиненными ему псами и архимандритом Юрьевского монастыря. Приведены бранные слова архиепископа и раздраженный ответ архимандрита: «тоби дии у мене хочеться содрать, а мне тебе ничего дать; тебе дии архимандрество и настольная грамота; хочешь де с меня, владыко, и ризы здери, и я о том не тужю».

Любопытную сторону погодных статей Новгородской летописи этой поры составляют тщательно отмечаемые ею распоряжения московских властей. Характер этих непривычных для новгородца распоряжений как нельзя лучше передает ту струю порядка и организации, которую вносило московское правительство в анархический строй новгородской жизни. С удивлением рассказывает летописец о крутых мерах, принятых москвичами против распространения эпидемий, против пожаров (запрещение печь хлебы и калачи в домах, приказание ставить бочки с водою около дымовых труб и т. д.), рассказывает о переписи колоколов, о запрете «винникам» торговать вином («а поймают винника с вином или пьяного человека, и они велят бити кнутом да в воду мечют с великого мосту» 1571), об обязательных повинностях «двор чистить и огород ровнять», о расширении улиц, о сборах налогов. Рассказывает летописец и о том,

как «по всем дорогам мосты мостили и дороги чистили», как собирали на государя по всему Новгороду «веселых людей» (скоморохов) и медведей, как ставили дьячьи избы, тюрьмы и брали на государя «телеги, двоеколкы, и с лошади, у старост по всем улицем».

Властная рука московского правительства постепенно приводит новгородские порядки к общерусскому единству. Окончательная утрата Новгородом своего политического значения ведет к прекращению политического летописания в Новгороде. Сохраняются лишь летописи церковные. Одна из таких летописей «Роспись или краткий летописец Новгородских владык» была составлена, очевидно, в конце XVI в., а другая — обширный «Летописец новгородский въкратце церквам божним» (так называемая Новгородская III летопись) — получила окончательную редакцию, видимо, около 1673 г.

В тесной связи с Новгородской II летописью находится сухая, но точная в передаче исторических событий повесть «О приходе царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России самодержца, како казнил Великий Новгород, еже оприщина и разгром именуется». Скрытая оппозиция московским порядкам еще долго жила в Новгороде. Москва подозрительно относилась ко всяким попыткам проявления этой оппозиции новгородцами. В 1570 г. по «наущению зломысленных человеков», как рассказывает повесть, вложивших в ум и уши царицы подозрение в измене архиепископа новгородского Пимена и его владычных бояр, Грозный совершает последний поход на Новгород и на его «изящных именитых людей».

Драматическое действие повести развивается вначале с медлительной последовательностью, постепенно убыстряясь по мере нарастания событий, чтобы закончиться неожиданной и эффектной концовкой. Повесть рассказывает, как Иван Васильевич послал вперед себя в Новгород изгоном передний полк, обложивший град крепкими заставами, и первые расправы этого полка: правеж и конфискации. Торжественно совершается приезд Грозного с сыном Иваном Ивановичем, бесчисленными полками, множеством князей, бояр и детей боярских. Грозный водворился на Городище, а на другой день направился к обедне в Софию. Торжественно встретившего его Пимена Грозный назвал волком, хищником, губителем, изменником и «нашему царьскому багру и венцу досадителем», отказался приложиться к кресту, в котором увидел обращенное против себя оружие, но тихо отслушал литургию, а затем направился за Пименом в столовую палату «хлеба исти со всеми своими князи и бояры и дети боярскими и со всеми воинскими людьми». Среди обеда, как былинные герои среди пира, Грозный «нечто помедли» и возопил страшным голосом царский ясак. По этому царскому воплю начался страшный погром. Схватили архиепископа, его казну и приближенных. С архиепископского двора погром, нарастая, перекинулся на город, а затем на всю новгородскую область, куда Грозный «на все четыре стороны» разослал своих «государевых людей».

Описав, как постепенно разрастались казни Грозного, повесть изображает дальше, как Грозный собрал «оставших новгородских людей из всякой улицы по лутчему человеку». Собранные стали перед царем «с трепетом, дряхли и унылы, отчаявшеся живота своего, быша яко мертви», но Грозный, возрев на них милостивым и кротким оком и велел

молиться за себя, сыновей и о всем воинстве на одоление своих врагов видимых и невидимых, отпустил всех с миром по домам.

Повесть написана очевидцем событий 1570 г., возможно, одним из софийян, знавшим, сколько денег отпускалось на прокорм арестованного Пимена, осведомленным о подробностях конфискации на архиепископском дворе, отметившим и ряд других деталей, которые могли быть известны только непосредственному свидетелю.

2

Сепаратистские настроения в новгородской литературе XVI в. не имеют уже прежнего значения. Политические устремления новгородцев сменяются чисто церковными, но при этом литература редко возвеличивает новгородскую церковь в целом, во главе которой стоял архиепископ-москвич, а занимается прославлением местных святынь и монастырей: Тихвинского, Хутынского, Антониева и др.

Во второй половине XVI в. звенигородским князем Юрием Ивановичем Токмаковым была составлена повесть о выдропускской иконе богоматери, на основании легенд аналогичного характера о неприступных святынях Новгорода, возникновение которых относится также к концу XV в.

Содержание повести сводится к тому, что во время одного из походов Ивана III на Новгород «некий воин царева полку» из Мурома в селе Выдропуске на реке Тверце «дерзнул» взять из церкви Георгия образ богоматери Одигитрии и принес к себе в муромскую область. «И мало некое время преjde», стал воин служить молебен богородице, а затем и захваченной им иконе, приказав попу: «пой ми канэн» «полонянке». Внезапно потряслась земля, ударил гром, и образ «невидимою силою» поднялся с места и вышел через расступившийся церковный верх. Иерей, воин и «все люди» пали на землю и «лежаша на много час яко мертвии». Воин начал плакать и рыдать: «ох, увы мне! согреших зле: како нарекох пленницею свободную сушу», отложил «воинский сан» и пешком по обету отправился замаливать грех в село Выдропуск, где он «полонил» икону. В тот же день и час на восходе солнца, и «утру бывшу светлу и тиху», некто «селянин» Флор вышел сеять лен в поле и услышал шум в церкви, «яко носиму дыханию бурну», и в то же время пономарь, зашедший в церковь, нашел икону, лежащую ниц в алтаре, а с нею вторую икону — «Умиления» из Мурома, которая, «проводив» Одигитрию, через некоторое время возвратилась в Муромскую область. Вскоре явился и сам воин-муромец, который так был поражен происшедшим и так сильно плакал перед иконою, что даже «и обмирати нача».

Так идея защиты новгородской независимости и величия его прошлого после завоевания Новгорода Москвой сменяется идеей божественной неприступности его святынь. Новгородские сепаратистские настроения все более и более принимают церковную окраску.

Житие новгородского святого Антония Римлянина, сохранившееся только в поздней обработке конца XVI в., но корнями своими уходящее глубоко в древность, тесно примыкает к сюжету повести о белом клобуке. Житие Антония также трактует тему о переходе святынь из Рима в Новгород. Житие рассказывает, как после отпадения Рима от православия

монахи, оставшиеся верными «истинной вере», принуждены были скрываться от гонений в пустынях. Среди них был и Антоний, избравший местом своего подвижничества скалу на берегу моря. В бурю, когда Антоний молился на камне, волна внезапно подняла камень и понесла его, «яко на карабли легце». Камень принес Антония из «теплого моря» в реку Неву, из Невы в «Нево озеро» (Ладожское), а затем понес его вверх по реке Волхову «против быстрин неизреченных» и остановился на правом берегу вблизи Новгорода, как только «начаша во граде звонити к заутреннему пеннию». Житие описывает недоумение Антония, попавшего в неизвестную ему страну, вопросы собравшихся любопытных, на которые Антоний не мог отвечать, не зная русского языка, и т. д. Святой узнает о том, куда он попал, от иноземца-купца, «иже умеяше римьским и греческим и русским языком».

Из дальнейших эпизодов жития наибольший интерес представляет ссора Антония с рыбаками, которых Антоний нанял вытащить тоню. Суд с этими рыбаками у «градьцких судий», аргументация рыбаков, требовавших отдать им выловленную бочку с драгоценностями, так как «мы наяхомся (нанялись) у тебе рыбы ловити, а бочка наша есть», — описаны с чертами реальности. Антонию удалось склонить на свою сторону судей, лишь рассказав им историю бочки («делвы»), приплывшей вслед за ним из Италии. В бочке, выловленной рыбаками, были золотые, серебряные и хрустальные церковные сосуды, потиры и блюда, которые были брошены Антонием в Италию в море, чтобы они «не осквернились от богомерзьких еретик».

Таким образом, и в житии Антония дважды использован один и тот же сюжет: о перенесении святыни вместе с «благодатию» из отверженных стран в Новгород (перенесение Антония на камне и перенесение бочки). Сюжет этот осложнен сочетанием с популярным в новгородской литературе мотивом самочинного передвижения по морю и вверх по течению Волхова. Быстрое течение Волхова, чрезвычайно затруднявшее доступ в Новгород с стороны моря, не раз, очевидно, заставляло задумываться новгородцев над возможностью самочинного передвижения вверх по реке, как высшего «чуда».

Присутствие широкой и полноводной реки, на которой расположился Новгород, постоянно чувствуется на всем протяжении новгородской литературы: то Волхов перегораживает враждующие стороны, то движет на себе плот владыки, то выкатывает бочку с церковными сосудами новгородскому святому, то несет на себе идол Перуна, то Волхов и Ильмень вместе грозят затопить собою город, то разламывают плотину, которой малювер пскович пытался перегородить течение реки, и т. д.

Атмосфера большого портового города, одного из самых больших в Европе (превышавшего Лондон), питала собою новгородские ереси, умственные движения, отразилась в социальных противоречиях, в обильном проникновении западной культуры, в пестроте и нестройности культурной жизни.